

Алексей Гамзов

Был таков

СТИХИ

Алексей Гамзов

Был таков

«Издательские решения»

2015

Гамзов А.

Был таков / А. Гамзов — «Издательские решения», 2015

Гамзов озорно и дерзко предаётся искусству сложносочинения метафор, лексическим шалостям, зачистке глаголов до первородного блеска, выплавке узорных новых. Это — творческое дыхание в самом неподдельном смысле, детски беззаветная радость построчной генной инженерии. Праздношатающиеся, причудливые образы наползают в текст, как муравьи на сладкое — успевай сортировать. Илона Якимова

© Гамзов А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Горний друг	6
Не считая дороги	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Был таков
стихи
Алексей Гамзов

© Алексей Гамзов, 2015

Фотограф Ангелина Гончарова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Горний друг

Как причинное место
оголяя приём,
по дороге из детства
да в родной чернозём,

через яростный вереск
пробиваясь на свет,
словно рыба на нерест —
промелькнула, и нет —

всё, что было под кожей,
передам по рядам,
но вот это, похоже,
никому не отдам:

этот флуоресцентный
глаз-алмаз в небесах —
несомненную ценность
для сказавшего «ах»,

этот даже не голос —
хронос, взятый внаём,
полоскавший мне полость
первосортным сырьём,

этот промысел смысла,
исчисленье числа
с вящей помощью дышла,
коромысла, весла.

Вот работа для плуга —
я ль не плуг твой, Господь? —
ради воздуха, духа
резать землю и плоть,

быть, покуда не лягу
и легка борозда —
и трудом, и трудягой,
и орудьем труда.

Сами себе аплодируйте крыльями, птицы!
Город проводит вас в странствие, тысячелищый.
К югу, ребята! Довольно бесцельно носиться

в небе столицы!

Сонмы дерев, как неделю не бритые спички
машут ветвями вослед: «До свидания, птички!
Преодолейте, любезные: тучки; кавычки;
силу привычки».

Перелетая гурьбой за урез горизонта,
что же вы ищите, шустрые? Бунта ли? Понта?
Не удивлюсь, если попросту воздуха: он-то
и разряжён так,

чтобы впустить и вместить вас. Так будьте же
скоры,
будьте смелы, поглощая равнины и горы,
пусть пощадят вас стихии и винтомоторы,
сети и своры.

Вы-то летаете вольно, а мы, не в пример вам,
разве что в адских машинах, подобны консервам,
а на земле мы рабы своим грусти и нервам —
как в Круге первом.

Род человеческий, занят своим аты-батом,
кесарь, рожденный елозить – завидуй пернатым!
Это они, а не мы, воспаряют к пенатам —
белым, кудлатым.

Герой

Место временное, время местное, шесть ноль-ноль.
Герой уже на ногах и готов ко своей голгофе.
Он жарит сосиски, разрезанные повдоль,
пьет то, что он называет кофе,
подходит к двери, на ходу вспоминая пароль.

Но в энном акте, в такой-то по счету картине
становится ясно, что пьесе не будет конца.
Взгляд застывает на праздно свисающем карабине.
Зритель уходит. Герой опадает с лица.
Марионетка преломляется посередине.

Потом герой убирает грим, угадывая в морщинах:
довольно ли на этого мудреца простоты?
Пока такой же герой, по ту сторону пустоты,
весь в амальгаме, как свинья в апельсинах,
ватным тампоном закрашивает черты.

Следующее «потом» наступает скоро:

по телу героя гуляет улыбка породы Чешир,
герою душно. Он смутно любит открытый ворот.
И вот водолазка сорвана, летит в окно, как нецелый Плейшнер,
падает и накрывает город.

По этому поводу немедленно наступает ночь.
Герой не спеша рассценивается, как светило,
которого нет, а за окнами так, точь-в-точь,
как в куда, знатоки говорят, не пролезть без мыла.
Рот уже на замке, но зевоты не превозмочь.

Теперь герой настолько раздет, что уже ни капли
не напоминает свой собственный всем известный фотопортрет:
какая-то ветошь, использованные прокладки, пакля.
Наконец, герой раздевается полностью, превращает себя в скелет
И вешает себя в шкаф до следующего спектакля.

Слабо ли в райские врата,
не причинив себе вреда?
дух оперировать без боли
слабо ли?
Слабо, витийствуя – рожать?
о братстве петь – из-под ножа?
фабриковать, вскрывая вены
катрены
о смысле сущего? Слабо в
двух пулях выразить любовь,
сказать, мол, верю и надеюсь,
прицелясь?
Слабо не обломать перо,
построчно потроша нутро,
дословно на Сибирь, меся грязь,
ссылаясь —
источник счастья и обид,
что столь же чист, сколь ядовит?
Короче говоря, слабо ли
на воле?

Любимая, прости меня:
и жить без этого огня
невыносимо, и, тем паче,
иначе.
Я сам себя загнал, засим
я сам себе невыносим,
и – чудо – лишь тебе, постылый,
под силу.

Застудился самый главный орган.
По живому – корка; загнан; согнан.
Как петух, назначенный для плова,
кровью бьется, ходит безголово
сердце, колготит не по уму —
не могу согреться потому.

Пригублю-ка зелена вина я.
Порция бурды – как жизнь, двойная.
Повод для высасыванья пальца:
мол, не так ли ты меня, страдальца,
мой Господь, вытягиватель жил,
пригубил – как будто приглушил?

Будет срок, объявят траур в доме,
втиснут в ящик, дырку в чернозёме
на два метра в глубину смотыжат,
подведут кредит и дебет – ты же
так и будешь рассекать озон
шизым облаком, как пел Кобзон.

Где мои морально-волевые?
Жернова, висящие на вые.
В черепной коробке – мысль тверёза,
как заноза, та, насчёт навоза,
та, что светит превратиться в г...
вашему покорному слуге.

Горний друг! раз никуда не деться
просто помоги согреться сердцу.
И еще – снесу ли? – попросил бы
чтоб не зряшно, чтобы не вполсилы,
на колени встал бы, как дурак,
чтоб – сполна мне. Раз потом – никак.

Про зверей из тех, что
не еда
мне хватает текста
едва.
Ходом черных через
черный ход
зверь имеет дерзость —
идет.
Кони ходят рысью,
рысь – конем:
этакою близью
рискнем.
Как орлом пятак не

пал на пол,
пятакoм не звякнет
орел.

Вот он, страх лесной и
полевой,
вот он, поклик совий
и вой.
Кандидат на мясо,
на бобах,
дожидаясь часа
впотъмах:
за квасной, скромный
альфабет
переломит кто мне
хребет?
И не ты ли, Боже,
с полстроки
всадишь мне под кожу
клыки?

Я не бросал своих женщин,
я просто ходил на нет,
выскальзывал из тенет —
ниже, медленней, меньше —
приспосабливал старые клешни
для иных кастаньет.

Я не чурался отчизны,
я просто не верил ей,
выскальзывал из теней
очередной харизмы,
самодостаток жизни
чаял главней.

Я не был искателем правды,
я просто искренне лгал,
предпочитал карнавал,
прелести клоунады,
я сроду не знал, как надо —
я только слагал.

Высоких чувств не любил я,
я просто к ним не привык,
предпочитал плавник
отращивать, а не крылья,
от песенного бессилья
срывался на крик,

но в нем-то и было пенье.
А нынче – разлад и тишь.
На грани срыванья крыш,
на самом краю терпенья
скажи, что делать теперь мне?
что ты молчишь?

Ты кончишь работу и кончишься сам,
но это не повод для скорби;
все то, что ты здесь проповедовал псам —
метафора *urbi et orbi* —
оно адресовано, в общем, тому,
с кем все это будет впервые:
и чувств передоз, и услада уму,
и длани, и перси, и выи.
Представь: он вещает, задействовав рот,
такой из себя гениальный,
но так же подвержен гниению от
гипофиза до гениталий,
а там уж и следующий адресат
маячит, с младенчества смертью чреват.

Расхристанной жизни рисунок твоей
коряв, как партак моремана:
вот птица в скрещении двух якорей,
марина (зачеркнуто) анна,
но в тихом сердечке иссинем твоём
очерчен какой-никакой окоём,
а значит, неважно, что гулко от псов
(кому проповедовал) лая,
что партию лет, и недель, и часов,
безудержной стрелкой виляя,
догла отстучит пресловутый брегет.
Все это – не повод для скорби, поэт.

Ты прав, тысячу раз прав,

друг. Потуже крыло расправь,
лети на круг изумрудных трав
в кругу ледников и неба.
Легче воздуха балахон.
Лети, поднимай баритон на тон:
больше не гений – гелий.
Вечно отныне кружить, Плутон:
апогей, перигелий
и вновь, тысячу раз вновь,

как бог, который не есть любовь.
Без помощи рыб и хлеба.

Ничто ничем не поправ.

Не считая дороги

Трогаюсь, отправляюсь в путь,
пускаюсь за солнцем, хочу вернуть
дороге странника, соль судьбе,
себя самому себе,

дрожь рукам и калибр глазам,
короче, сокровищам их сезам,
работу обуви, ритм душе:
пушу ее неглиже

взапуски, от стерни к стерне,
к последнему морю в чужой стране;
альтернатива, когда к стене
стена – это жизнь вовне

дома, тела, жилья вообще.
Дерзаю исход от «еще» к «уже»:
всем пятым точкам, ногам, углам
противоположность – там,

чёрт-те где, в некоем пункте Б,
которого смысл в самой ходьбе.
Иду, пусть ноги меня несут
неважно куда, не суть.

Послушай, замолкает хруст.
Уже никто не топчет хворост.
Смотри, я набираю скорость,
я пуст.

Смотри, дорога извилась.
Смотри, вот я уже и точка.
Я исчезаю, одиночка
из глаз.

Смотри, полсолнца над землёй.
Смотри, я вхож в него без стука.
Я исчезаю, потому как
не твой.

Не твой, не свой, ничей вообще.
Еще мгновение – и кану.
Подобен и праще, и камню

в праще

шагнувший путник – сам себе
причина и объект движенья,
род вызова и поклоненья
судьбе.

Бы

Искупляя свои грехи
(как говаривал Навои),
я накрапывал бы стихи,
принимая их за свои.
Либо, как говорил Ли Бо,
о любви сочинял бы слоги,
ибо только одно – любовь
помогает идти в дороге.
Так взбираются к небесам:
врут, камлают, ломают шею,
ибо, как бы сказал я сам —
но немею и не умею.

Очнись на востоке, беспечный гайдзин,
отведай сакэ, обездоль апельсин
и вторгнись, как в задницу – клизма
в безмозглую бездну буддизма.

Стань лучше и чище процентов на -дцать,
учись отрицать и на цитре бряцать,
пой мантры на весь околоток,
и пяткой лупи в подбородок.

Частушку на танка сменяй, самурай,
от фудзи фигей и от гейш угорай,
в тени отцветающей сливы
черти иероглиф «пошли вы».

Освой караоке, сёппуку и го,
поскольку без этих вещей нелегко
найти, матерясь, по компасу
матёрую Аматерасу.

Плыви, зарекись от тюрьмы и сумо,
и коль просветленье не грянет само —
прячь в жёлтое море концы, трус,
и съешь обездоленный цитрус,

усни – и проснись в нашей дивной стране,

где я эти строки пишу при луне,
где васи, и маши, и вани —
давно обитают в нирване.

Вокруг гремело и орало —
вода пустынный пляж орала.
И бились мне в подметки: краб,
худой пакет, помёт, икра.

Волна обрушивалась с мола,
как тара с полок мегамолла,
взрывался пластик и картон
в количестве ста тысяч тонн.

Гранит захлебывался пеной,
и пёр, глуша гагар сиреной,
Горынычем, чей рык трояк —
трехтрубный крейсер на маяк.

И я был выброшен на берег
в одной из пятисот америк.
Свободы раб, простора вор —
я стал вам брат, солёный сор.

Мне довелось – стеноя, горбясь
бежать, обгладывая глобус,
стелиться к точке нулевой,
кипеть – я брат тебе, прибой.

Поджарый рыцарь, образ чей сер —
я брат тебе, горластый крейсер.
Не груз, но глас сквозь муть и жуть
Ты нёс – и это тоже путь.

Не бог весть что – пройти по краю,
но лучшей доблести не знаю.
И я шагал – под грай и вой,
и будто слышал за спиной:

«Не бзди, не парь, не сожалей —
три правила, беглец беспечный.
Сейчас подлечим дух калечный:
иди, смотри, вдыхай, шалей».

...но есть ещё восток,
где на исходе понта
алеет кровосток

такого горизонта,
что хочется лететь,
преобразившись в парус,
взять всё, и даже смерть
не оставлять на старость.

Но есть ещё заря,
горящая, как примус,
эпический разряд,
плюс, победивший минус.
Воспринимай навзрыд,
как резаная рана
торжественно горит
у края океана!

Но есть ещё весна,
триумф Пигмалиона:
рыбак кидает снасть
в распаханное лоно
взволнованной волны.
Ее плева тугая
поспешно сеть пленит
в глубины увлекая.

Но есть ещё любовь:
она, прости за рифму,
подмешивает в кровь,
и уж, тем паче, в лимфу
такого первача,
эфира, жара, вара,
что хочется кричать
наперебой гагарам!

Пока ты здесь, пока
ты пишешь на колене,
пока бежит рука —
мой невеликий гений,
уверуй в эту блажь,
порыв, прорыв, отвагу,
мусоля карандаш,
корябая бумагу.

Камчатка

Так далеко, что, кажется, нигде
моя страна спускается к воде
и исчезает под покровом глянца,
поскольку невозможно продолжаться.

Так высоко, что, кажется, звезде,
и той там не дано обосноваться,
стоит поэт и чешет в бороде,
шепча благоговейно:
– Обоссаться...

Наверно, это буду я, о ком
вам эти строки мало что доложат.
Ну пусть не я, но кто-нибудь похожий.
Ведь где еще так ощутишь всей кожей,
как, опасаясь море потревожить,
туман течет смущенным молоком?

Если хочешь, стремись, неофит,
к небесам,
ну, а мне и внизу не Аид,
но Сезам,
раз зима расплескала нефрит
по глазам,
будет море зеленого цвета.

Что по поводу робинзонад,
Робинзон?
Как насчет, Одиссей, сиренад
в унисон?
Над волной, как назло, то пассат,
то муссон,
не сезон, но не будем об этом.

Если хочешь, из дольных пещер
воззови:
– Отчего ты такой изувер,
визави?
– На войне, типа, ком а ля гер,
шурави, —
нам ответит незримый создатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.